

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЛИВАН И ТУРЦИЯ: КОНСТРУКТИВНЫЙ ДИАЛОГ В СЛОЖНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Е.М. Савичева

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу современных ливано-турецких отношений в контексте региональных и международных событий.

Отношения Турции с арабскими странами выстраивались весьма не просто — проблемными зонами долгие годы оставались сотрудничество Анкары с Израилем, ее откровенно прозападная внешняя политика, водные ресурсы, курдский вопрос. Лишь с 80-х гг. прошлого века ближневосточный вектор занял одно из приоритетных мест во внешнеполитической стратегии Турецкой Республики. Тогда взаимодействие с арабским миром вышло на принципиально новый уровень, особенно в торгово-экономической сфере. Причем даже при быстро растущих и ширящихся связях с арабскими столицами Турции удавалось умело лавировать и находиться в стороне от перманентных межарабских трений. Как справедливо отмечает известный российский тюрколог И.И.Иванова, крен Турции в сторону ближневосточных государств позволяет Анкаре сохранить некий баланс между исламской и западной ориентацией [1. С. 192].

Гражданская война в Ливане 1975—1989 гг. низвела его отношения с Турцией почти до нулевой отметки. Ситуация стала меняться лишь с приходом к власти Р. Харири в 1992 году: восстановление и модернизация отношений были выгодны обеим сторонам. Анкара, поддержавшая антииракскую коалицию в ходе кампании в Персидском заливе, была, в первую очередь, заинтересована в усилении своих региональных позиций, а также в создании демократического имиджа в глазах Европы. Бейрут же, со своей стороны, усматривал немалую выгоду в участии турецкого капитала в восстановлении страны, а также в посредничестве Анкары в ближневосточном урегулировании.

Следует отметить, что современная политика Турции в отношении своих соседей по региону находится в немалой степени под воздействием европейских устремлений Анкары. Процесс вступления Турции в Евросоюз осложнен целым рядом проблем ее социально-экономического развития, причастностью к проблеме разделенного Кипра, курдским вопросом, а также дебатами в европейских кругах по поводу признания за Турцией исторической вины за «геноцид армян» во времена Первой мировой войны. Вместе с тем для Евросоюза Турция могла бы послужить важным и полезным партнером, посредником по ближневосточному урегулированию, поскольку Анкаре удастся балансировать и выстраивать контакты как с Израилем, так и с арабами. Турция, следуя стратегии урегулирования на основе проведения переговоров со всеми сторонами конфликта (в Анкаре побывала делегация ХАМАС во главе с Х. Мешаалем, турецкая дипломатия поддерживает контакты также и с «Хизбаллой»), является в потенциале достаточно весомым элементом ближневосточного мирного процесса. Кроме того, ЕС в значительной мере рассчитывает на посреднические усилия Турции по сближению позиций и нахождению разумных компромиссов между средиземноморскими странами — участницами Барселонского процесса.

«Потепление» в двусторонних отношениях было подкреплено заключением серии экономических контрактов. Если до гражданской войны у Бейрута с Анкарой имелось лишь соглашение в сфере туризма, то после 1991 г. стороны подписали договоры о сотрудничестве в области торговли, промышленности, науки и технологий, а в 1994 г. — соглашение о сухопутных транспортных артериях и морских границах.

Налаживанию тесных контактов между Турцией и Ливаном препятствовал ряд непростых моментов. В первую очередь, напряженность в отношениях была связана с курдской проблемой. Со времен Османской империи и до 1970-х гг. Ливан пережил несколько волн курдской иммиграции. Заметим, что курды здесь практически не подверглись ассимиляции. Первоначально это было связано с их нежеланием растворяться в арабо-ливанском обществе, а затем уже ливанские власти опасались натурализации курдов (как впоследствии и палестинцев). Однако курдская тема была раздражающим фактором скорее в отношениях Турции с Сирией, нежели с Ливаном. Когда в 1999 г., после задержания турецкими спецслужбами в Африке лидера Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллы Оджалана, по Бейруту прокатились антитурецкие демонстрации, Анкара отреагировала недвусмысленно. Содержание размещенной на сайте турецкого МИД статьи Майкла Раду, американского политолога из Института исследований внешней политики (Филадельфия, США), прямо указало на причастность Ливана с середины 80-х гг. к «рекрутированию и боевой тренировке кадров РПК», происходивших на его территории под патронажем Сирии [5].

Вместе с тем еще за год до ареста А. Оджалана, Анкара и Дамаск договорились насчет совместных действий по противодействию РПК, что было зафиксировано в Аданском соглашении 1998 г. Такой шаг навстречу друг другу стал необходимым для вышеназванных сторон после периода взаимной эскалации напряженности, вызванной активизацией РПК. Теперь же Дамаск обязывался закрыть тре-

нировочные лагеря РПК (не без его покровительства они функционировали ранее и на территории Ливана), а также перекрыть каналы снабжения оружием курдской боевой организации. Одновременно прекращались и дипломатические демарши Дамаска и, в частности, претензии по поводу спорной территории — приграничной турецкой провинции Хатай (бывшая сирийская провинция Александретта, которую Франция передала в 1939 г. под турецкую юрисдикцию).

Оценивая конфликтный потенциал в ливано-турецких отношениях, нельзя упустить из поля зрения проблему армянского геноцида в Османской империи. Дело в том, что в Ливане проживает весьма представительная и политически активная армянская диаспора. Она сложилась и укрепилась в этих краях еще при османском владычестве и правлении младотурок. Несмотря на то, что накануне Первой мировой войны и в последующие годы половину населения Ливана составляли мусульмане (а в соседних Сирии и Палестине правоверных было подавляющее большинство), армянская диаспора чувствовала себя здесь достаточно комфортно. В 1917 г. правитель Мекки издал фетву, которая была направлена на защиту армян и призывала мусульман оказывать им всяческое содействие. Так, мусульманам предписывалась предоставлять им помощь при переселении и обустройстве. В 1969 г. в ливанском городке Бикфая был открыт монумент в память об армянах, погибших при османском владычестве. В годы гражданской войны монумент, представляющий собой фигуру женщины с воздетыми к небу руками и имевший надпись «В дань памяти жертвам геноцида», был значительно поврежден, вину за это возложили на фалангистов. В 1993 г. памятник был реконструирован инженером Ховсепом Хачечиряном. В настоящее время является местом паломничества армян Ливана и Сирии. В Ливане действует Комитет памяти жертв массовой резни армян, функционирует ряд армянских партий и организаций («Рамкавар», «Арарат», «Гнчак», Свободное ливано-армянское движение), некоторые из которых возникли еще в XIX веке.

В годы гражданской войны в Ливане базировалась группировка марксистского толка, называвшая себя Армянской секретной армией освобождения Армении (ASALA), чья деятельность носила откровенно антитурецкий характер. Несмотря на протесты Анкары, официальный Бейрут по понятной причине затруднялся пресечь активность этой организации. По некоторым данным, ее ядро пользовалось поддержкой палестинцев (хотя официальные подтверждения этого отсутствуют). Этой и другой армянской группировке — «Бойцы за справедливость в отношении к армянскому геноциду» (JCAG) — приписывают ряд громких терактов, в том числе взрывы в турецком посольстве в Бейруте в 1976 г. и в парижском аэропорту Орли в 1983 г. (до событий в Орли во Франции было совершено около 40 нападений на турецких подданных) [4], ряд убийств турецких дипломатов в европейских странах. Акты террора со стороны ASALA больше всего всколыхнули Францию, где официальные лица к тому времени уже признавали факт «геноцида армян», а армянская диаспора успела вырасти до 300 тыс. человек.

В 1997 г. Национальное собрание Ливана приняло резолюцию, подготовленную армянскими депутатами (пять мест в парламенте отдано православным хри-

стианам и одно — католикам из числа армян, периодически одно место получает также протестант из армянской диаспоры). Резолюция призывала почтить память армян, погибших во время гонений и погромов в Османской империи в 1915—1923 гг. Она также осуждала позицию Турции, упорно отрицающей факты массового истребления армян. Кроме того, в документе содержалось предложение считать 24 апреля Днем единения с армянским народом.

Такая заинтересованная позиция ливанского правительства по проблеме армянского геноцида, имевшего место в Османской империи, не могла не вызывать протесты Анкары, которая считает, что современные политики не обязаны судить о делах столь отдаленного прошлого, а давать оценку подобным событиям — удел историков.

Неоднократно ливано-турецкие отношения осложнял и вопрос о разграничении зон влияния в Средиземном море, тем более что он затрагивал столь чувствительную для Анкары кипрскую проблему. В целом Бейрут придерживался нейтрально-сдержанной линии в отношении греко-турецкой коллизии вокруг Кипра, тогда как откровенная поддержка какой-либо из конфликтующих сторон могла бы вызвать в самом Ливане очередное обострение внутривосточных разногласий. Кстати, два кризиса в Средиземноморье — ливанский и кипрский — хоть и обладают некоторыми общими чертами, но разнятся принципиально. Если на Кипре водораздел прошел не только по этническому, но и по конфессиональному принципу — столкнулись греки-киприоты (христиане) и турки-киприоты (мусульмане), то в Ливане христиане и мусульмане, зачастую оказывающиеся по разные стороны баррикад, составляют некую единую арабскую общность. Правда, заметим попутно, что многие исследователи, в том числе российские арабисты, обращают внимание на специфику самосознания ливанцев. Так, например, в статье Н. Мохова «Непреодолимый конфессионализм Ливана» отмечается, что «для большинства ливанцев конфессиональное мировоззрение является привычным и естественным. Называя себя ливанцами, они продолжают фактически осознавать себя и своих соотечественников ливанцами, различающимися по конфессиональному критерию и несводимыми к единому типу национального гражданства» [3]. Да и сами жители «страны кедра» полагают, и не без оснований, что им предстоит большая работа, нацеленная на усиление «национальной принадлежности и интеграции».

17 января 2007 г. Ливан и Республика Кипр подписали соглашение о разделе морского дна, что вызвало гневную реакцию Анкары. Тремя годами ранее аналогичное соглашение было заключено между Кипром и Египтом. Договор с Ливаном, предусматривавший проведение границы «особой экономической зоны» по срединной линии между ближайшими точками сухопутных границ, позволил киприотам уже через месяц объявить тендеры на освоение оффшорных месторождений газа и нефти на юге, юго-востоке и юго-западе от острова.

Турция ответила Ливану дипломатическими демаршами и официально уведомила о своем отказе признать ливано-кипрское соглашение. Версия Анкары сводилась к тому, что право на освоение оффшорных месторождений (их наличие, впрочем, тогда еще не было доказано) равным образом имеет и так называемый

«Турецкий Кипр», с интересами которого стороны должны считаться при заключении любых соглашений в субрегионе. Тем не менее турецкий демарш так и не подвигнул Ливан к отказу от намеченного курса. Да и Анкара в данном вопросе оказалась практически в изоляции. Обратившись за поддержкой к США, она получила ответ, фактически сводившийся к невмешательству Вашингтона в отношения конфликтующих сторон, а также в политику частных американских компаний, которые могут пожелать участвовать в освоении дна Восточного Средиземноморья.

Отношения между Ливаном и Кипром не омрачены никакими серьезными разногласиями. Связи с Никосией служат частью западного вектора ливанской внешней политики. Между двумя странами заключен ряд соглашений, в том числе: о взаимной торговле (1962 г.), о поощрении инвестиций (2001 г.), о сотрудничестве в области здравоохранения (2001 г.). В 2007 г. Ливан стал четвертым по величине импортером кипрских товаров после Великобритании, России и Греции с долей 5,8% от общего объема (295 млн долл.), тогда как в 2000 г. этот показатель составлял всего 30 млн долл. (объем ливанского экспорта на Кипр — 4 млн долл.) [6]. В 2003 г. между странами заключено соглашение об избежании двойного налогообложения, что означает предоставление ливанскому капиталу условий, аналогичных тем, которыми располагают оффшорные компании на Кипре. В результате Кипр сделался полем активной деятельности ливанских банкиров. Так, в 2007 г. Intercontinental Bank of Lebanon SAL стал девятым ливанским банком, получившим лицензию на осуществление операций на Кипре.

Заметный толчок активизации ливано-кипрских отношений был придан в 2001 г., когда президент Ливана Э. Лахуд совершил первый официальный визит на Кипр. Тогда между странами было подписано три соглашения — о борьбе с нелегальной миграцией, о предотвращении незаконного оборота наркотиков и о сотрудничестве в культурной сфере. Необходимость совместных действий в противостоянии нелегальной миграции назрела давно. Для Кипра, превращенного в перевалочную базу для нелегальных мигрантов (добирающихся из Ливана, Сирии и других арабских стран преимущественно в Грецию и Италию), заключение подобного соглашения явилось одним из инструментов, позволяющих эффективнее пресекать каналы нелегальной миграции в Западную Европу. В 2008 г. глава МВД Кипра Лазарос Савидес и посол Ливана в Никосии Мишель Хури подписали протокол к соглашению от 2002 г., который предусматривает реадмиссию задержанных мигрантов. Причем, ливанское правительство обязалось депортировать граждан любых государств, нелегально следующих через ливанские порты на Кипр.

К этому добавим, что на Кипре проживает обширная ливанская община (самая крупная — в городе Лимассол). В основном это христиане-марониты, связанные с маронитской общиной Кипра, которая существует здесь с VIII в. В период гражданской войны в Ливане на Кипре нашли убежище около 60 тыс. ливанских христиан, и многие из этих беженцев так и остались на острове [7].

«Кровоточащие раны» Арабского Востока — ближневосточный конфликт (Никосия придерживается взвешенной позиции по ближневосточному конфликту,

которая сводится к необходимости соблюдения всех резолюций ООН по Ближнему Востоку (включая урегулирование) и война в Ливане — непосредственным образом затронули Кипр. Так, в период гражданской войны в Ливане базировавшиеся там иностранные журналисты надолго перебрались на Кипр, и там же обосновался один из офисов ООП, откуда осуществлялись гуманитарные операции по переброске уже в обратном направлении грузов первой необходимости и миротворцев. Кроме того, остров стал одной из главных арен дипломатической активности ведущих государств мира. Так, в 1973 г. во время «войны Судного дня» на Кипре встречались для переговоров Г. Киссинджер и А.А.Громыко. Таким образом, географическая близость Кипра и Ливана обусловила тесное переплетение их судеб, а либерализация экономики греческой части острова позволила ей привлечь ливанские капиталы (равно как и состоятельных граждан других государств, в том числе и России). После убийства Р. Харири в Ливане ходили слухи, что именно Кипр предоставит место для штаб-квартиры Международного трибунала по делу об убийстве бывшего премьер-министра Ливана.

Однако самой ценной для Ливана была помощь, которую Кипр неоднократно оказывал своему соседу в ходе вооруженных противостояний. Именно через кипрские порты в годы гражданской войны доставлялась гуманитарная помощь Ливану, а также проводилась эвакуация людей. Последняя по времени подобная операция была проведена в ходе июльской военной кампании 2006 г., когда Кипр содействовал эвакуации из Ливана тысяч иностранных граждан (в том числе россиян), а через его порты в Бейрут шли гуманитарные грузы.

Как уже было отмечено выше, косвенным импульсом к активизации ливано-турецких двусторонних контактов стало налаживание сирийско-турецкого диалога, в ходе которого, помимо всего прочего, была закреплена лидирующая роль Дамаска в обеспечении безопасности и стабильности в Ливане. Начало текущего столетия было отмечено в сирийско-турецких отношениях подписанием нескольких соглашений, в том числе по борьбе с терроризмом, по развитию транспорта, по защите инвестиций. Анкара стала оказывать Дамаску значительную поддержку на международном уровне, а Дамаск в ответ «ввел» Турцию в региональную экономику. В результате Сирия стала одним из основных торговых партнеров Турции, что в условиях действия американских санкций против Дамаска является жизненно важным для сирийской экономики. В 2006 г. товарооборот между странами достиг 797 млн долл., а в 2007 г., после вступления в силу договора о свободной торговле, он уже оценивался в 1,2 млрд долл. (для сравнения: объем турецко-израильской торговли вдвое больше).

Оба государства реализуют ряд проектов. Один из самых амбициозных — строительство сирийского ответвления трансарабского газопровода, который должен пролечь от Египта к Турции. Участие Дамаска в проекте «завяжет» экономики Сирии и европейских государств, поскольку планами строительства предусмотрен вывод сирийского участка на газопровод «Набукко» (проектируемый магистральный газопровод протяженностью более 3 тыс. км из Центральной Азии и Азербайджана в страны ЕС; строительство планируется завершить к 2013 г.).

Ожидается, что прокладка 63-километрового участка между Алеппо и Килисом завершится к 2011 г. Новый газопровод (чьи ответвления будут также протянуты от ливанского Триполи и сирийского Банияса) станет той артерией, которая свяжет экономики арабских стран и Турции друг с другом.

В январе 2004 г. президент Сирии Б. Асад совершил официальный визит в Турцию. Спустя несколько месяцев туда же направился тогдашний ливанский премьер Р. Харири, имея целью активизировать двустороннее экономическое сотрудничество. В ходе этого визита в мае 2004 г. был подписан ряд совместных документов по экономической тематике, включая договор об избежании двойного налогообложения, о поощрении и взаимной защите инвестиций. Эти соглашения стимулировали планомерный рост двустороннего товарооборота (если в 2006 г. он составил 367 млн долл., то в 2007 г. — уже 509 млн) [8]. Разумеется, торговый баланс Ливана и Турции отличается значительный «перекос» в сторону Анкары. С целью поощрения взаимной торговли во второй половине 2000-х гг. стороны приступили к переговорам на предмет заключения договора о свободной торговле, подобного тому, который подписали Турция и Сирия в 2004 г.

В июле 2006 г. Турция, невзирая на тесные отношения с Израилем, осудила его очередную агрессию против Ливана. Позиция Анкары касательно региональной политики Тель-Авива ощутимо ужесточилась после получения Т. Эрдоганом портфеля премьер-министра. Наряду с этим Турция призывала и к прекращению атак «Хизбаллы» на северные районы Израиля, хотя и предпочитала не выдвигать прямых обвинений в адрес этой организации. Такая позиция позволила Анкаре значительно упрочить свою репутацию в глазах арабских лидеров и заручиться кредитом доверия, необходимым не только для развития экономических отношений, но и для укрепления политического веса в ближневосточном урегулировании. Турция ограничивалась дипломатическими демаршами в адрес Израиля, но не прекращала разностороннего и притом активного сотрудничества с ним. Как и прежде, Анкара считается главным стратегическим партнером Тель-Авива в ближневосточном регионе. Это партнерство зиждется на подписанном в 1992 г. протоколе о военном сотрудничестве и на соглашении 1994 г. о сотрудничестве в сфере безопасности. Турция остается для Израиля одним из главных противников на сирийском направлении и в целом, в условиях «враждебного арабского окружения». Для Анкары Тель-Авив является стратегическим союзником в контексте реализации ею прозападного курса, дающего, помимо прочего, возможность получения новейших военных технологий (применяемых на практике, например, для ликвидации курдского сопротивления в Турции).

После завершения израильской военной кампании в конце лета 2006 г. Турция была первой мусульманской страной, направившей миротворческий контингент на юг Ливана — факт, призванный укрепить ее имидж в глазах мирового сообщества. Отправляя своих военнослужащих в ливанскую «горячую точку», Анкара исходила из необходимости всеобъемлющего выполнения резолюции ООН № 1701. Кроме того, пребывание там миротворцев-мусульман должно было, по мнению турецких руководителей, сгладить религиозные противоречия на юге

Ливана. Решение об отправке миротворцев (кстати, неоднозначно воспринятое в турецком обществе) было принято Анкарой после продолжительных консультаций, начатых еще в период назревания кризиса. После похищения израильского солдата в секторе Газа (его впоследствии освободили) турецкие дипломаты интенсифицировали контакты с ближневосточными лидерами — М. Аббасом, И. Ханией и Э. Ольмертом, а после взятия в заложники двух израильских военнослужащих — с ливанским премьером Ф. Синьорой, Ж. Шираком и другими. В частности, глава МИД Турции Абдулла Гюль в это время посетил Израиль, Ливан и Сирию. Однако добиться освобождения израильских солдат ни Турции, ни прочим посредникам не удалось. Вместе с тем и официальный Бейрут, и «Хизбалла», и Сирия приветствовали отправку турецкого контингента на ливанский юг.

Турецкая дипломатия избегает резких выпадов в адрес «Хизбаллы». В частности, премьер-министр Турции Т. Эрдоган исходил из того, что резолюция № 1701 не предусматривает участия миротворцев в разоружении боевиков этой шиитской организации. По мнению турецкого руководства, проблема «Хизбаллы», если таковая существует, должна решаться на внутривосточном уровне [2]. Турция оказывала и продолжает оказывать гуманитарную помощь Ливану: после военных событий 2006 г. Анкара выделила Бейруту гуманитарную помощь на сумму 50 млн долл., а также содействовала восстановлению объектов социальной сферы [9]. В частности, турецкие строители за два года построили более 50 школ, в том числе на юге Ливана, который испытывает острую нехватку учреждений образовательной сферы и здравоохранения.

О значительных масштабах гуманитарной помощи Турции ливанскому и палестинскому населению свидетельствуют многие факты. Например, в 2007 г., когда БАПОР обратилась к мировому сообществу с просьбой об оказании гуманитарной помощи лагерю Нахр аль-Барид, Ф. Синьора предпочел направить запрос непосредственно правительству Турции. Бейрут мог рассчитывать на помощь и в рамках БАПОР, однако юридические процедуры ее предоставления затягивали дело на недели. Турция же направила 500 тонн гуманитарных грузов практически без промедлений, а впоследствии вызвалась взять на себя часть расходов по снабжению находящихся в Ливане палестинских беженцев.

Турция, как правило, выступала за урегулирование внутривосточных проблем исключительно переговорами, отдавая дань «особой роли» в этих делах Сирии. Поддержав идею создания международного трибунала по делу об убийстве Р. Харири, турецкая дипломатия рассчитывала, что данное расследование не создаст пропасти между Ливаном и Сирией. Учитывая напряженность отношений между Сирией и ЕС по ливанскому вопросу, Анкара пошла на посредничество между Еврокомиссией и Дамаском и даже предлагала сделать местом работы следственной группы по «делу Харири» турецкий город Газьянтеп (выбор, однако, пал на Женеву).

Еще одним средоточием интересов Ливана и Турции является проблема ближневосточного урегулирования. Турция первой из мусульманских стран признала Израиль в 1949 г. Она же признала одной из первых Палестинское государство,

провозглашенное Национальным Советом Палестины в 1988 г. И Ливан, и Турция исходят из необходимости соблюдения резолюций ООН № 242, 338, 1397, 1515, равно как реализации принципа «мир в обмен на землю», плана «дорожной карты» и арабской мирной инициативы. В видении турецкого правительства основная причина нежелания палестинской и израильской сторон начать поэтапное обсуждение спорных вопросов кроется в укоренившемся кризисе взаимного доверия, которое будет достаточно сложно восстановить. Турецкая сторона, приветствующая все переговоры по БВУ, большие надежды априори возлагала на мирную конференцию в Аннаполисе (состоялась в конце 2007 г.). По мнению Анкары, сближение позиций палестинцев и израильтян должно послужить импульсом к разблокированию и продвижению также ливанского и сирийского треков. При подготовке конференции Анкара стала одним из главных медиаторов; глава МИД Турции Али Бабахан побывал в Израиле, Палестинской Автономии, Ливане, Сирии, Египте, Саудовской Аравии, Иордании и Кувейте, стремясь содействовать сближению позиций заинтересованных сторон в поисках компромисса. В том же контексте Турция пытается продвигать и собственные идеи — например, ею был выдвинут своеобразный проект сближения палестинской и израильской сторон «Индустрия ради мира». В 2005 г. в Анкаре был организован форум с участием представителей деловых кругов из Турции, Палестинской Автономии и Израиля, и там обсуждались проекты создания промзон на палестинских и израильских территориях. Реализация этих проектов могла бы помочь ликвидировать безработицу среди палестинцев, а также привлечь инвестиции. В ноябре 2007 г. А. Гюль, М. Аббас и Ш. Перес на встрече в Анкаре договорились о создании промышленной зоны в Таркимии (Западный берег), что выглядело несомненным прорывом, занесенным в актив турецкой дипломатии. Еще одним проектом Анкары является восстановление промышленной зоны «Эрец» в секторе Газа, однако после усиления там позиций Хамас достигнуть прогресса не удастся. Данным усилиям турецкой дипломатии выразил поддержку координатор «квартета» международных посредников по БВУ Т. Блэр, так же как и ряд арабских стран.

Сами турецкие политики оценивают свою деятельность в сфере БВУ как «важную, но неприметную», сводящуюся к задействованию механизмов посредничества между представителями сторон конфликта, к повышению степени доверия по разным вопросам и т.д. Эти усилия имели определенный эффект. В мае 2008 г., например, Анкара взяла на себя роль посредника в переговорах между сирийской и израильской сторонами. По мнению турецких дипломатов, продвижение на сирийско-израильском треке имеет в обозримом будущем гораздо больше реальных шансов в сравнении с палестино-израильским. Сближение позиций Сирии и Израиля, несомненно, продвинуло бы и ливано-израильский трек. Анкара призывает Тель-Авив прекратить «демонизировать» Дамаск, отказаться от восприятия его исключительно в виде элемента «оси» в тандеме с Ираном, ХАМАС и «Хизбаллой». Усилия Турции сводятся к побуждению Сирии и Израиля к переговорам на предмет урегулирования взаимных проблем, начиная с решения судьбы Голанских высот. Если на данном направлении наметится продвижение, то это,

несомненно, должно сказаться и на Ливане. В первую очередь, это касается конфликта вокруг «ферм Шебаа» — зоны, освобождения которой от Израиля требуют и Бейрут, и Дамаск (при том, что изначальную принадлежность этой зоны еще предстоит уточнить).

Тем не менее за рамками турецкой инициативы остается главная проблема, волнующая Ливан — положение и судьба палестинских беженцев. У турецкой стороны отсутствует проработанная позиция по этому вопросу, что неудивительно: в Анкаре осознают всю его многогранность и запутанность, предпочитая отложить его обсуждение на будущее. Несмотря на привычные взаимные обвинения и неготовность конфликтующих сторон к прямым переговорам, посредническую деятельность турок можно считать в целом успешной (в смысле полезной). Благодаря ей после месяца консультаций израильский премьер Э. Ольмерт высказал мнение о возможности начала переговоров о мирном соглашении с Ливаном. Однако Бейрут отказался вести какие-либо переговоры до передачи ферм Шебаа под его суверенитет.

В ходе ливанского внутривосточного кризиса 2007—2008 гг. Турция придерживалась взвешенной позиции, нацеленной на мирное решение конфликта между правительственной коалицией и оппозицией. Представитель Турции присутствовал на переговорах участников противоборствующих ливанских коалиций. Хотя Анкара широко не афишировала свои неофициальные контакты, но о ее роли можно судить по тому, что только премьер-министров Катара (переговоры проходили в Дохе) и Турции ливанские депутаты пригласили на заседание своего парламентского органа в мае 2008 г., на котором был избран новый президент страны Мишель Сулейман.

Активное подключение Турции к политической и экономической жизни Арабского Востока и Ливана, в частности, служит дальнейшему развитию всесторонних отношений между государствами. Турецкая стратегия на сближение экономик, несомненно, положительно сказывается и на развитии политических отношений. Учитывая потенциал роста в турецко-ливанских отношениях, можно надеяться пусть на локальный, но успех турецкой дипломатии в вопросе сближения позиций Израиля, Ливана, Сирии и Палестинской Автономии на благо мира в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Иванова И.И.* Турецко-арабские отношения на современном этапе // *Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке и политика России на рубеже XXI века.* — М., 2000.
- [2] Интервью Т. Эрдогана газете «Аль-Хаят» // *Аль-Хаят.* — 18.10.2006.
- [3] *Мохов Н.* Непреодолимый конфессионализм Ливана // *Азия и Африка сегодня.* — 2008. — № 6.
- [4] *A Cry for Bloody Vengeance* // *Time.* — 1982, August 23.
- [5] *Michael Radu.* The PKK Strategy in Europe to Place Turkey on Trial. Foreign Policy Research Institute. (February 26, 1999). — March 1, 1999 // www.mfa.gov.tr

- [6] The Daily Star. — July 18, 2002.
- [7] The Washington Times. — May 21, 2008.
- [8] Turkey's Commercial and Economic Relations with Lebanon // www.mfa.gov.tr
- [9] Turkey's Political Relations with Lebanon // www.mfa.gov.tr

**LEBANON AND TURKEY:
CONSTRUCTIVE DIALOGUE
IN A COMPLICATED REGIONAL SITUATION**

E.M. Savicheva

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10a Moscow, Russia, 117198

The article deals with the analysis of the modern relations between Lebanon and Turkey in the context of regional and international events.